

Г. Хильгер, А. Мейер

**Россия и Германия
Союзники или враги?**

ББК 63.3(0)61
Х45

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
встрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Хильгер Г., Мейер А.
Х45 Россия и Германия. Союзники или враги? / Пер.
с англ. Л.А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполи-
граф, 2008. — 415 с.

ISBN 978-5-521-85510-0

Отношения, связавшие Германию и Советский Союз перед началом Великой Отечественной войны, определили один из самых роковых этапов мировой истории. Это «затишье перед бурей» подверглось анализу огромного количества исследователей. Тем не менее историку Альфреду Мейеру в соавторстве с Густавом Хильгером, занимавшим в предвоенные годы пост советника немецкого посольства в Москве, удалось по-новому взглянуть на давно известные факты. Он не только детально проанализировал особенности нацистско-советского сотрудничества, но и смог пролить свет на идеи, мотивы поступков и общее мировоззрение человека из числа тех, кто серьезно повлиял на внешнеполитический курс Германии в 20-х и 30-х годах XX века. В книге представлены оригинальные и яркие концепции различных направлений, редкие архивные документы, ценные свидетельства очевидцев.

ББК 63.3(0)61

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2008
© художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2008

ISBN 978-5-521-85510-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Занятие мемуарами стало неким искусством, в котором профессиональные социологи все чаще протягивают нам руку помощи. Один свежий пример, которому последовали авторы этой книги, — работа Генри Л. Стимсона и Мак-Джорджа Банди, которые совместно написали «На действительной службе в мире и в войне».

Цель такого совместного авторства — скомпоновать академические знания с личным опытом, чтобы придать историографии личностный оттенок и сделать мемуары максимально полезными для профессионального ученого. Авторы данной книги хотели решить двойную задачу — написать мемуаров, которые в то же время представляли бы историю германо-советских отношений.

Выгоды, извлекаемые ученым историком из продолжительных бесед с человеком, принимавшим участие в творении истории, очевидны, особенно если молодому ученому повезло работать сообща с таким всезнающим, обладающим изысканными манерами, энергичным и дружелюбным человеком, как Густав Хильгер.

В данном случае задача историка — играть роль второго «я» писателя мемуаров, задавать вопросы, высказывать сомнение, создавать рамки для повествования и снабжать вводной информацией, необходимой для превращения истории в единое целое. Историк-соавтор считал себя академической совестью Хильгера, чьей целью было тормозить его память, вытягивать информацию, которая тому могла показаться поначалу неуместной, заставить автора задумываться над проблемами и загадками, которые сами не приходили ему до этого на ум. И все это время он старался заставить Хильгера раскрыть самого себя, свои поступки, мотивы, идеи и общее мировоззрение, потому

что Хильгер был представителем крайне важной группы среди тех людей, которые помогали вершить германскую международную политику в 20-х и 30-х годах.

Предпринятые в этом направлении усилия не могли не столкнуться с определенными трудностями. Есть предел, до которого человек будет свободно и дружески вести разговор, даже если он побуждаем академической совестью. Самые скрупулезные исследования документов и опубликованных отчетов не всегда позволяют ученому проверить рассказ своего соавтора на точность, поэтому искажения, пропуски и неточности неизбежно остаются. Помимо этого, есть некоторые мнения, происшествия и прочие вопросы, которые Хильгер из уважения ко многим своим друзьям решил не раскрывать, даже если иногда и считал, что вправе обсуждать их со своим соавтором. Такую скрытность, конечно, необходимо было уважать.

Несколько слов о процедуре, которой следовали в процессе написания этой книги. Авторы провели несколько месяцев, собирая и komponуя записи Хильгера, переписку и другое сырье для этих мемуаров, а также читая опубликованные материалы. Затем оба автора начали писать независимо друг от друга, посылая друг другу черновики для комментариев и критики. Сотрудничество по обе стороны книги было столь тесным, что было бы трудно распределить заслуги за любую из различных частей книги. В основном этот процесс был естественным: Хильгер отвечал за те разделы, где речь шла главным образом о личностях и личных вещах, в то время как разбор более широких и общих политических событий был отдан в основном его соавтору. Однако даже здесь последний заботился о том, чтобы представить эти масштабные проблемы так, как они виделись Хильгеру в то время; при этом целью соавтора было показать те соображения, которые лежали в основе германской иностранной политики в отношении Советского Союза. Книге суждено было стать обличительным автопортретом дипломата и его окружения. По этой причине авторы приняли решение вести повествование от первого лица. Отсутствие библиографии также вызвано желанием придать этой книге как можно более личный оттенок.

Эта работа не была бы опубликована без живого интереса и помощи большого числа людей. Благодаря настойчивым усилиям Джорджа Ф. Кеннана и Джона Гарднера из «Карнеги кор-

порейшн», Нью-Йорк, щедрый грант дал авторам возможность посвятить этой работе все свое время. Этот грант регулировался Российским исследовательским центром Гарвардского университета, который, в свою очередь, предоставлял огромные возможности и оказывал услуги. Мы глубоко благодарны профессору Клайду Клакхону, который прочел всю рукопись; Хелен В. Парсонс за ее энергичную помощь, которую она оказывала как руководитель канцелярии Российского исследовательского центра; и многим членам персонала Российского исследовательского центра, которые помогали своим мнением, предложениями и советами. Среди тех, кто прочел всю рукопись либо часть ее, находятся Е.Х. Кар, Фриц Т. Эпштейн, Алекс Эрлих, Карл Дж. Фридрих, Беррингтон Мур-младший и Кармель Оффи. Среди друзей Хильгера Пауль Шеффер и Мориц Шлезингер были особенно любезны в обсуждении рукописи и предоставлении ценных услуг. Мария Хильгер помогла исключить многие опечатки или неточности. Она проявила огромное терпение, когда ее мужа захватила работа над этой книгой, и была щедрой и любезной хозяйкой для его сотрудника. Майер перенесла многочисленные продолжительные периоды отсутствия своего мужа без жалоб и была для него постоянным источником силы и мужества.

Хотя эта работа стала возможной благодаря средствам, подаренным «Карнеги корпорейшн», Нью-Йорк, эту корпорацию не следует понимать как утверждающую инстанцию — на основании ее гранта — в отношении каких-либо сделанных заявлений либо взглядов, выраженных в этой книге.

А. Г. М.

Кембридж, Массачусетс

Глава 1 ПРЕЛЮДИЯ

ПОСЛАННИК УБИТ

Незадолго до пяти часов утра 22 июня 1941 года мы с Молотовым (настоящая фамилия Скрябин (1890—1986), из семьи приказчика, с 1906 года в рядах большевиков. С 1921 года — член ЦК, с 1926 — член политбюро. Ближайший соратник Сталина. — *Ред.*) в последний раз пожали друг другу руки и вместе с Фридрихом Вернером графом фон дер Шуленбургом я покинул Кремль, зная, что уже никогда вновь не войду в его древние ворота. Никогда не забуду вытянутое и усталое лицо Молотова, когда он обменивался с нами привычной вежливостью рукопожатия, изо всех сил стараясь скрыть внутренние эмоции. Я сам был до крайней степени встревожен мрачными предчувствиями. Это не было простым расставанием. Это был конец трудов всей моей жизни. Я понимал, что это был и конец Германии. Граф фон дер Шуленбург, германский посол, только что сделал формальное заявление советскому министру иностранных дел, объявив о гитлеровском вторжении в Россию.

Пока мы возвращались этим ранним утром обратно в посольство, я с жадностью впитывал виды моей родной Москвы, которую больше никогда не узрею. И, как и вошедший в разговорку утопающий, который в долю секунды видит всю свою жизнь, я вспоминал эпизод за эпизодом те пять десятилетий, которые провел, с небольшими перерывами, в этом восхитительном городе. Многие из домов, мимо которых мы проезжали, если б они могли говорить, рассказали бы истории о моей жизни, такой богатой переживаниями, человеческими контактами и волнением. Некая знакомая улица вернула мои мысли к утру одно-

до дня, почти за двадцать три года до этого зловещего 22 июня 1941 года. Суббота 6 июля 1918 года была одним из тех ярких дней, которыми природа компенсирует жителей Москвы за короткую продолжительность северного лета; прошло восемь месяцев с Октябрьской революции 1917 года, в результате которой большевики захватили власть. Намереваясь провести выходные с женой и детьми на нашей даче в деревне, я уложил в чемодан некоторые принадлежности, покинул свою маленькую квартиру и был как раз на пути на станцию, как вдруг ко мне подбежал мой коллега, запыхавшийся и бледный, и сообщил, что только что убили нашего посланника в России.

Четыре месяца назад, 3 марта 1918 года, представители Германского рейха и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики подписали мирный договор в Брест-Литовске, договор, который был продиктован близорукой убежденностью победителя в том, что выгоды, извлекаемые из него, будут большими, поскольку условия, налагаемые на побежденных, стали более суровыми. Однако Ленин чувствовал себя вынужденным принять эти условия; столкнувшись с серьезным сопротивлением даже внутри своей собственной партии, он утверждал, что большевистский режим нуждается в срочной передышке, во время которой он мог бы попытаться укрепить свои позиции в России.

Когда официальный представитель политики Брест-Литовска граф Мирбах-Харф прибыл в Москву 25 апреля 1918 года, советское правительство включало в себя такие личности, которые войдут в историю как выдающиеся. Это Ленин — бесспорный лидер большевистского движения; Троцкий (Троцкий — украденная (вместе с паспортом) фамилия русского дворянина Троцкого; настоящая фамилия — Бронштейн. — *Ред.*), имевший огромный дар околдовывать массы, хотя ему и недоставало способностей настоящего государственного деятеля; Чичерин, который своим острым диалектическим умом оказал неоценимую услугу советской иностранной политике, и многие другие выдающиеся личности. (По другим, более обоснованным оценкам, это была компания «выдающихся дилетантов». — *Ред.*) И вот в качестве германского посланника им противостоял этот маленький дипломат, который мог быть дружелюбным, милым и ценным человеком, но у которого была лишь стандартная под-

готовка. Помимо этого Мирбах не привез с собой ничего, что могло бы сделать его пригодным для трудной задачи, ожидавшей его в Москве. Он не знал страны, где ему предстояло работать, не владел и русским языком, не был достаточно осведомлен о проблемах, которые привели к большевистской революции в России (либо сделали вклад в нее). Сегодня имя Мирбаха было бы малоизвестно, не выбери его судьба жертвой внутренних схваток, которые в то время бушевали в России между большевиками, только что пришедшими к власти, и левыми социалистами-революционерами, которые нацелили свои атаки на самое уязвимое место в ленинской политике — заключение мира в Брест-Литовске. Последние утверждали, что этот договор — предательство революции, а также позор для русского народа. Они полагали, что убийство германского посланника станет самым серьезным средством для вовлечения Советской республики в новую войну с Германией, отчего положение большевиков станет безнадежным. И в субботу, 6 июля 1918 года, они приступили к исполнению своего плана. (Есть мнение, что убийство Мирбаха было организовано ЧК Дзержинского с ведома Ленина — чтобы расправиться с левыми эсерами. Убийца Мирбаха Блюмкин позже был оправдан. С 1923 года работал в иностранном отделе ОГПУ. В 1929 году его расстреляли. — *Ред.*)

В то время германская миссия располагалась в тихом переулке московского Арбата. Роскошный дворец ранее принадлежал сахарному московскому магнату Бергу, но победоносные большевики объявили его собственностью победившего пролетариата. Весной 1918 года он был отдан германскому правительству под его дипломатическое представительство. По своим размерам и великолепию интерьера дворец Берга превосходил почти все дома такого рода, существовавшие в Москве, — такое утверждение многого стоит, потому что роскошь, которой окружали себя представители приобретающей вес буржуазии, вошла в поговорку. Еще с 90-х годов XIX столетия она далеко обошла по стилю жизни старое русское дворянство, которое уступило свое место «третьему сословию» промышленников и купцов после отмены крепостного права в 1861 году. Огромные богатства были сосредоточены в руках семей, владевших монополией на торговлю предметами потребления, пользовавшимися

ся спросом у населения, составлявшего 170 миллионов человек (в 1914 году численность населения Российской империи составляла 180,6 млн; к концу войны в прежних границах выросла, видимо, до 190—195 млн. — *Ред.*); эти монополисты произвольно устанавливали цены на зерно, ткани, сахар, чай и т. д. Они открыто демонстрировали свою силу и богатство способом, который еще более, чем когда-либо, подчеркивал социальные противоречия, веками существовавшие в России.

Только что закончился обед, на который посланник ежедневно приглашал сотрудников своего персонала и других известных немцев, временно оказавшихся в Москве. Некоторые из гостей уже покинули дом, когда у главного входа в миссию двое мужчин позвонили в колокольчик. Они сказали открывшему им дверь лакею, что являются агентами ЧК — Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией — и что у них есть приказ обсудить лично с посланником некое дело огромной важности. Они предъявили удостоверения, подтверждающие их заявление и подписанные главой ЧК Феликсом Дзержинским, и ихпустили. Удостоверения были поддельными. (Их объявили поддельными позже. — *Ред.*) Настоящими были только имена, под которыми ихпустили в миссию, — Блюмкин и Андреев.

Этих двоих провели через вестибюль в приемную, стены которой были увешаны драгоценными гобеленами, а потом через огромный танцевальный зал — в гостиную. В ней — бесценные восточные ковры, стены затянуты малиновым шелком, тяжелые шторы с золотым шитьем, — короче говоря, эта комната могла бы быть подходящей для какого-нибудь восточного правителя. У стены противоположной окну позади стола стояла низкая софа, а сам стол с мраморной верхней частью и бронзовым орнаментом был настолько тяжел, что средний человек не смог бы сдвинуть его с места. С короткой стороны стола стояло кресло, а сбоку от него — еще одно со спинкой, повернутой к окну.

Советник миссии Рицлер и помощник посланника лейтенант Мюллер встретили этих двоих и подвели их к столу. Блюмкин, должно быть, оценил ситуацию наметанным взглядом опытного террориста, потому что он сел в кресло напротив софы так, чтобы окно оказалось за его спиной. Посему немцам пришлось сесть на диванчик, чтобы оставить свободным крес-

ло у короткой стороны стола для графа Мирбаха. Андреев, который до сего момента не отходил от Блюмкина, сел в кресло, стоявшее у большой двустворчатой двери, ведущей в танцевальный зал. С этой выгодной позиции он мог держать под контролем зал и держать под прицелом двери в гостиную и из нее. Танцевальный зал имел примерно двадцать метров в длину и семь метров в ширину. С богато украшенного потолка зала свисали две огромные люстры, имелись два окна, выходявшие на улицу, которую от дома отделял маленький двор, огороженный высокой решеткой из кованого железа.

После того как Рицлер и Мюллер сели напротив чекистов и тем самым фактически утонули в мягких подушках дивана, Блюмкин не стал торопиться с рассказом о цели своего визита. Похоже, он дожидался посланника, для которого, как он заявил, у него есть какое-то важное личное сообщение. А посланник все еще провожал своих последних гостей, но потом появился спустя несколько минут, очевидно заинтересованный в личном знакомстве с агентами Чрезвычайной комиссии. Мирбах вошел в комнату через большую дверь, подле которой сидел Андреев, и после короткого обмена приветствиями сел в свободное кресло слева от Блюмкина.

Блюмкин начал разговор, сообщив посланнику, что в одном из русских лагерей для военнопленных находится некий граф Мирбах, который, возможно, является родственником этого графа. Если это правда, заявил он, советское правительство с удовольствием освободит этого человека досрочно, стоит лишь посланнику выразить свое желание. Последний ответил, что данный военнопленный — очень дальний родственник из протестантской ветви семьи (сам он — католик). Тем не менее Мирбах был бы рад, если будет сделано все возможное для облегчения участи этого человека.

Затем Блюмкин заявил, что его руководство приказало ему проинформировать посланника о том, что ЧК раскрыла террористический заговор, имевший целью его убийство. Он принес, как он сказал, документы, из которых граф узнает подробности этого заговора и которые убедят его, что надо быть очень осторожным. Говоря эти слова, он сунул правую руку в свой портфель, выхватил оттуда револьвер, встал и с молниеносной быстротой произвел три выстрела, нацелив вначале оружие в посланника, а потом — в